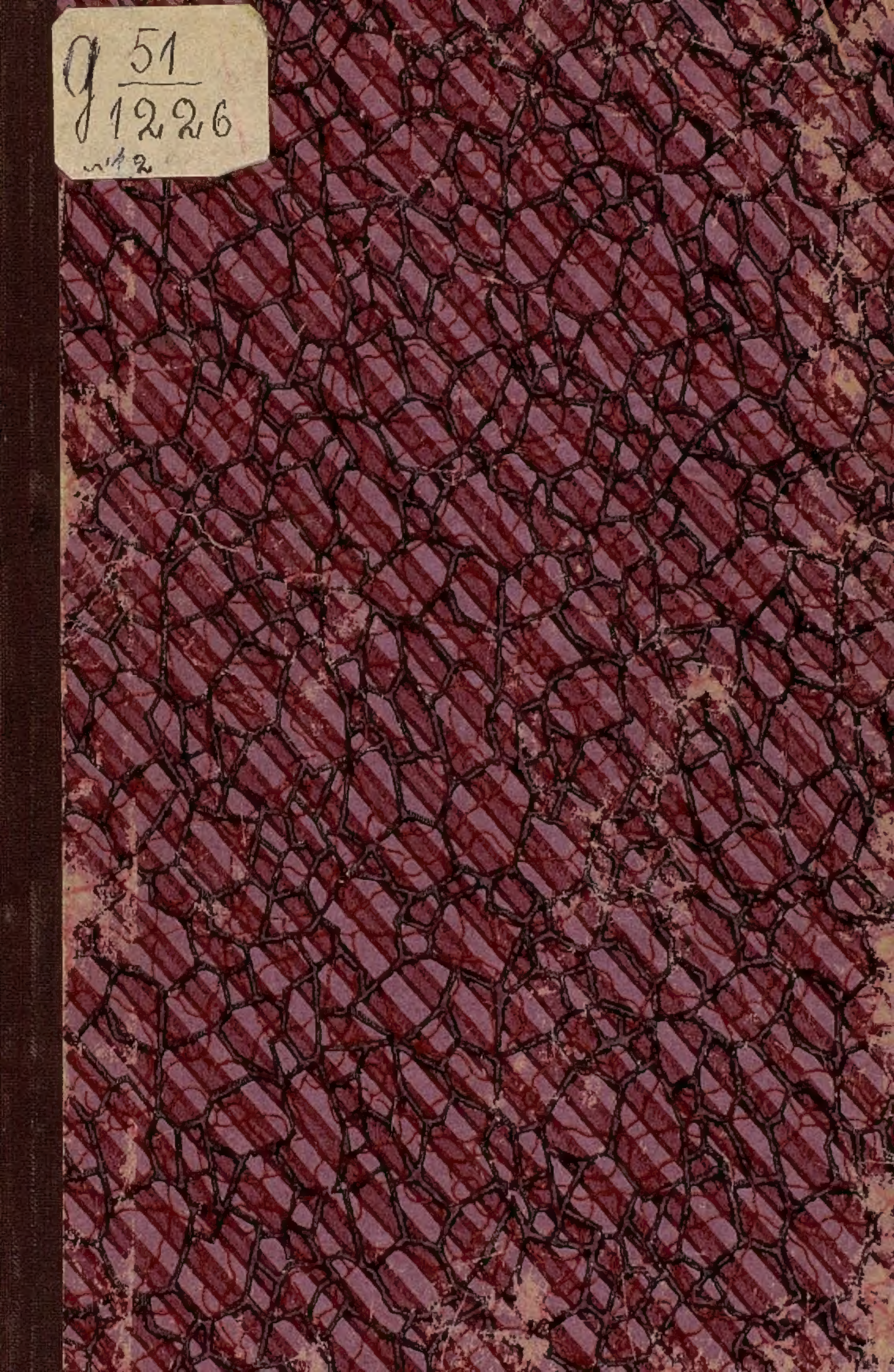

g 51
1226

По поводу сочиненія профессора А. Романовичъ-Славатинскаго

„Дворянство въ Россіи.“

ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЯ Г. РОМАНОВИЧЪ-СЛАВАТИНСКАГО, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЯХЪ 1870 г. № 12.

Профессора Г. Сидоренка.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1871.

По поводу сочиненія профессора А. Романовичъ-Славатинскаго

„Дворянство въ Россіи."

ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЯ Г. РОМАНОВИЧЪ-СЛАВАТИНСКАГО, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЯХЪ 1870 г. № 12.

Профессора Г. Сидоренка.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1871.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1871 г.

ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЯ Г. РОМАНОВИЧЪ-СЛАВАТИНСКАГО, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЯХЪ 1870 г. № 12.

Въ ноябрской книжкѣ Университетскихъ Извѣстій минувшаго 1870 года напечатаны, по опредѣленію юридическаго факультета, замѣчанія мои на докторскую диссертацію г. Романовичъ-Славатинскаго, написанныя мною по обязанности члена факультета, которому диссертація та была представлена на разсмотрѣніе. Съ нѣкотораго времени Совѣтъ Университета, въ видахъ всесторонняго уясненія научныхъ вопросовъ и вообще въ интересѣ науки, предоставилъ авторамъ сочиненій, подаваемыхъ на ученыя степени, право помѣщать отвѣты на офиціяльные разборы ихъ въ тѣхъ же Университетскихъ Извѣстіяхъ; г. Р.-Славатинскій воспользовался этимъ правомъ и въ декабрской книжкѣ этого журнала за прошлый годъ напечаталъ отвѣтъ мнѣ, подъ заглавіемъ »Возраженія на замѣчанія *доктора* Сидоренка по-поводу сочиненія, представленнаго магистромъ Романовичъ-Славатинскимъ для полученіи степени доктора.« Изъ заглавія этого, титулующаго меня *докторомъ*, въ то время какъ замѣчанія свои я писалъ, по порученію юридическаго факультета, въ качествѣ профессора этого факультета—изъ заглавія уже замѣтно, что г. Р.-Славатинскій взялся отвѣчать мнѣ не въ спокойномъ духѣ *). Чтеніе же самыхъ возраженій убѣждаетъ, что

*) Не обидѣлся-ли онъ тѣмъ, что въ офиціяльной бумагѣ, поданной факультету, при докторизаціи его, я назвалъ его по ученой степени—магистромъ, а не профессоромъ? Но я право не понимаю, чѣмъ тутъ обижаться. Вѣдь ищущій докторской степени для факультета есть не кто иной, какъ магистръ, при чемъ званіе и чины его безразличны. Будь то профессоръ, священникъ, полковой командиръ—если хочетъ получить докторскую степень, долженъ быть прежде всего магистромъ.

они написаны съ цѣлью, имѣющею весьма мало общаго съ тѣми видами, которые руководили Совѣтомъ Университета при допущеніи статей этого рода въ Университетскія Извѣстія. Цѣль ихъ—излить чувства, возникшія въ душѣ автора »Дворянства въ Россіи«, при чтеніи замѣчаній моихъ, скромныхъ, но непріятныхъ ему и въ скромности своей. »*Поучающій магистра докторальнымъ тономъ, обличитель, безпощадный рецензентъ, фельетонный рецензентъ, неуважающій людей, трудящихся для науки, шутникъ, говорящій удивительные абсурды, незнакомый съ предметами обширныхъ изслѣдованій* г. Р.-Славатинскаго, и проч. и проч.—вотъ эпитеты, которыми этотъ ученый щедро надѣляетъ меня. Въ перемежку съ ними, вѣроятно чтобъ сколько-нибудь оправдать ихъ въ глазахъ читателей, г. Р.-Славатинскій приписываетъ мнѣ небывальщину: я напр. говорю, что такія-то мысли въ книгѣ его выражены сбивчиво, а онъ влагаетъ мнѣ въ уста слова: »какой-де абсурдъ«; я говорю, что соображенія автора о реформѣ служилыхъ людей при Петрѣ неудовлетворительны, а онъ мнѣ приписываетъ фразу: »какъ-де все это глупо и нелѣпо у автора« и т. д. Этого кажется достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ настроеніи и съ какою цѣлью г. Р.-Славатинскій ведетъ научный споръ со мною. Не желая утомлять читателей указаніемъ на другія, не менѣе характеристичныя черты возраженій, упомяну лишь, что задавшись мыслію *отдѣлать* рецензента во что-бы то ни стало, онъ находитъ приличнымъ, въ видахъ защиты своей диссертаціи, двусмысленно отзываться о моей—полемическій пріемъ, напоминающій рѣзвые споры учениковъ младшихъ возрастовъ и едва-ли идущій людямъ такихъ лѣтъ, какъ я и г. Р.-Славатинскій. *) О чувствахъ его ко мнѣ

Состоя въ той же должности, какъ и г. Р.-Славатинскій, я при представленіи докторской диссертаціи называлъ себя тоже магистромъ и названіе это напечаталъ и на заглавномъ листкѣ диссертаціи.

*) Впрочемъ, нужно сознаться, что г. Р.-Славатинскій имѣетъ, кажется, особенное основаніе быть недовольнымъ моей диссертаціей. Она, надо полагать, сослужила ему довольно плохую службу. Есть въ ней выраженіе: *помѣстная или ленная милиція* (нѣмецкое Lehnsmiliz). Г. Р.-Славатинскій, по недосмотру-ли, или потому что не полагалъ существенной разницы между словами *Lehen* и *Land* (допускаю и это предположеніе, ибо въ одномъ мѣстѣ своей книги, стр. 40, онъ считаетъ тождественными и такія слова, какъ *баронъ и бояринъ*), принялъ это выраженіе за *ландмилицію* и называетъ военную службу помѣщиковъ и вотчинниковъ Московскаго государства *ландмилицкою* (Предис. стр.

и о побужденіяхъ, руководившихъ его возраженіями, я больше говорить не буду; не буду также платить взаимностью за эпитеты, которыми онъ честитъ меня,—не видя въ томъ ни пользы, ни забавы. Перехожу къ предметамъ нашихъ научныхъ разногласій.

Замѣчанія мои на сочиненіе г. Р.-Славатинскаго писаны были собственно для факультета; поэтому они изложены сжато, безъ подробныхъ объясненій и доказательствъ, въ которыхъ специялисты не нуждаются. Г. Р.-Славатинскій, пользуясь такимъ изложеніемъ ихъ, толкуетъ, объясняетъ и опровергаетъ ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Для возстановленія истины я нахожусь вынужденнымъ привести ихъ теперь съ документальными подтвержденіями. Статья моя сдѣлается черезъ это можетъ быть нѣсколько утомительною, но за то болѣе доказательною.

Утверждая, что въ сочиненіи г. Р.-Славатинскаго основной матеріялъ для изученія юрид. жизни дворянства, заключающійся въ П. С. З., сведенъ не съ надлежащей полнотой и не занимаетъ подобающаго ему мѣста, матеріялъ же, относящійся къ бытовой жизни дворянства, приводится иногда въ излишествѣ, я привелъ слѣдующіе примѣры:

1) Въ главѣ 1-ой о значеніи служилыхъ людей до Петра В. сказано (стр. 2—3) лишь нѣсколько крайне общихъ и сбивчивыхъ мыслей (напр. »не смотря *на общность* повинности....., *на общность* интереса.... царскіе чиновные люди.... существовали въ своемъ чиновномъ раздробленіи« и »не имѣли *ничего общаго*«), и тѣмъ устранена всякая возможность объяснить образованіе изъ нихъ дворянскаго сословія при Петрѣ В.; между тѣмъ въ юридическихъ памятникахъ и даже въ ученой лите-

---

II). Авторъ особенно озабоченъ, чтобы въ его книгѣ видѣли »попытку русскаго человѣка содѣйствовать разъясненію вопросовъ родной русской жизни. Мы будемъ, говоритъ онъ, цѣнить это превыше всѣхъ пріятностей для авторскаго самолюбія—всѣхъ похвалъ ученымъ достоинствамъ нашей книги, *на которыя она не претендуетъ*« (Предис. стр. XXVI). При такомъ взглядѣ на свою книгу, авторъ можетъ быть считаетъ излишнимъ хлопотать о правильномъ употребленіи иностранныхъ словъ, но въ данномъ случаѣ отъ этого вышла большая несообразность: при Петрѣ В. образованъ у насъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ областяхъ особый разрядъ военныхъ силъ, который, какъ нарочно, назывался *ландмилиціей*, а служба въ немъ *ландмилицкою*: такимъ образомъ, къ немалому изумленію тѣхъ, кому этотъ фактъ извѣстенъ, выходитъ, что наши помѣщики 16 и 17 вв. попали у г. Р.-Славатинскаго на службу въ войско, учрежденное при Петрѣ!

ратурѣ нашей для этого предмета есть довольно обширный матеріалъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи я привожу цѣликомъ относящееся сюда мѣсто книги *). Спрашиваю: достаточно-ли понятно изъ него, что такое были служилые люди въ Московскомъ государствѣ? Между тѣмъ здѣсь *вся* характеристика служилыхъ людей до Петра; непосредственно за этимъ слѣдуетъ уже изложеніе петровской реформы. Принимая время съ Петра до отмѣны крѣпостнаго права за одинъ только изъ періодовъ исторіи дворянства, авторъ не находитъ нужнымъ приводить хоть какія-нибудь указанія на связь этого періода съ предъидущими; объ обстоятельствахъ, потребовавшихъ реформы этого общественнаго класса при Петрѣ, также нѣтъ ни слова. Невниманіе автора (чтобъ не сказать больше) къ организаціи служилаго класса до Петра доходитъ до того, что, какъ видно изъ послѣдней фразы приведенной выдержки, онъ даже не отличаетъ чиновъ Московскаго государства въ смыслѣ подраздѣленій служилаго класса общества на разряды, отъ чиновъ въ смыслѣ ранговъ, придворныхъ званій и должностей, относя къ одной и той же категоріи такія названія, какъ бояринъ, окольни-

*) »До Петра В., или, лучше сказать, до преобразовательной его дѣятельности вначалѣ 18 в., у насъ не существовало *дворянство*, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія — общественной группы, члены которой связаны сознаніемъ единства общесословнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ общественномъ строѣ допетровской Руси существовало полное фактическое равенство между членами общества. *Равенства не было, но не было и привиллегированнаго сословія.* Были *только царскіе чиновные люди.* Они образовались изъ прежнихъ дружинъ княжескихъ, рекрутировавшихся выходцами всѣхъ странъ, изъ потомства медіатизированныхъ князей Рюриковичей (кн. Одоевскіе, Горчаковы, Барятинскіе и другіе) и пришлыхъ Гедиминовичей (Голицыны, Куракины, Трубецкіе и др.). Царскіе чиновные люди въ 16 и 17 столѣтіяхъ были надѣлены землями, сдѣланы помѣщиками, владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ. На нихъ наложена была общая повинность — обязательная служба государству, но честь каждаго изъ нихъ была различна, и коренилась не въ принадлежности къ одному и тому же сословію, но въ *породѣ, въ отчествѣ.* Поэтому, не смотря на общность повинности — обязательной службы государству, на общность интереса — владѣнія крѣпостными крестьянами, царскіе чиновные люди не составляли единаго сословія, но существовали въ своемъ чиновномъ раздробленіи: бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольничимъ, а тѣмъ болѣе съ меньшими чинами, окольничій съ думнымъ дворяниномъ, дворянинъ съ сыномъ боярскимъ и т. д.« (стр. 2—3).

чій, думный дворянинъ (какъ извѣстно это были не сословныя подраздѣленія, а чины, въ смыслѣ ранговъ, высшаго разряда служилыхъ людей—бояръ), и далѣе—дворянинъ и сынъ боярскій (это уже не чины въ означенномъ смыслѣ, а сословныя подраздѣленія). Такое же смѣшеніе замѣтно и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ авторъ говоритъ о вымираніи старыхъ чиновъ (стр. 6—8). Здѣсь разсматриваются въ одной категоріи: окольничіе, думные дворяне, стольники, стряпчіе, *думные дьяки* (!), *Московскіе дворяне, городовые дворяне и жильцы* *).

Что же возражаетъ г. Р.-С. на мои замѣчанія объ общности и сбивчивости приведеннаго мѣста?—Ровно ничего! Онъ предъявляетъ, такъ сказать, встрѣчный искъ противъ меня, обращаясь ко мнѣ съ приглашеніемъ: »Намъ бы очень интересно было знать соображенія рецензента о процессѣ образованія дворянскаго сословія при Петрѣ.« Но замѣчанія мои сдѣланы не для возбужденія любопытства автора, а для того, чтобы заявить, что дальнѣйшая исторія дворянства должна остаться непонятною (какъ и случилось у нашего автора) безъ сколько-нибудь опредѣлительнаго разъясненія первоначальнаго процесса образованія его. Ниже онъ продолжаетъ: »Процессъ вырабатывался *самъ собою*« (замѣтьте, что общая мысль сочиненія г. Р.-С. та, что дворянство у насъ никогда не развивалось само собой, а всегда »сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительственнымъ) »постепенно и сбивчиво. Для изслѣдователя это труднѣйшій вопросъ въ исторіи дворянства«. Если такъ, то зачѣмъ же было хвалиться въ предисловіи, что въ сочиненіи *Дворянство въ Россіи* »выдвинуты всѣ существенныя

*) Не можемъ пройти молчаніемъ и другой стороны этого интереснаго мѣста о *вымираніи* старыхъ чиновъ. Авторъ обращается въ этомъ мѣстѣ къ весьма оригинальному способу подбора матеріала; онъ приводитъ что-то въ родѣ перечневой вѣдомости о численности въ разныя времена людей, носившихъ старинные Московскіе чины; изъ вѣдомости этой оказывается только то, что люди, имѣвшіе старые чины и не переименованные въ новые, мало-по-малу, какъ и слѣдовало ожидать, повымерли; а между тѣмъ вѣдомость приведена для объясненія того, какимъ образомъ, »новые чины начинаютъ входить въ употребленіе еще до табели о рангахъ« (стр. 9). Какъ трудно извлечь что-нибудь другое изъ этой вѣдомости по упомянутому вопросу, доказывается примѣромъ самого автора: *окончательное* упраздненіе старыхъ чиновъ пріурочиваетъ онъ то ко времени учрежденія Сената въ 1711 г. (стр. 10), то ко времени изданія табели о рангахъ въ 1722 г. (стр. 14).

стороны предмета«? (Предис. XXX). Ужели первоначальный процессъ образованія сословія авторъ не считаетъ существенною стороною исторіи его? Зачѣмъ авторъ такъ смѣло утверждаетъ, будто-бы изъ книги его *видно* »какъ царскіе чиновные люди по указаніямъ Петра В. слились въ одно сословіе—шляхетство«? Это-ли еще не сбивчивость въ мысляхъ?

2) Я утверждалъ, что въ той-же 1-ой главѣ дано слишкомъ много мѣста матеріялу, относящемуся къ воззрѣніямъ дворянъ на сословную честь и свидѣтельствующему о стремленіи ихъ обособляться отъ народа. И дѣйствительно, матеріяломъ этимъ наполнено 28 стр. (59—87). Въ сравненіи всего лишь съ одною страницей, посвященной изображенію положенія дворянъ до Петра и приведенной уже цѣликомъ, въ сравненіи также съ двумя страницами (3—4), на которыхъ изображена реформа дворянъ при Петрѣ, и о достоинствѣ которыхъ будетъ сказано ниже,—нельзя не признать помянутое обиліе чистѣйшею роскошью. Въ возраженіяхъ своихъ г. Р.-С. не согласенъ съ этимъ, онъ находитъ мое замѣчаніе совершенно неосновательнымъ и ни съ сего ни съ того внушаетъ мнѣ, что вопросъ о мусье и мадамахъ, рѣчи дворянскихъ депутатовъ въ коммисіи 1767 г. и т. п. предметы, нисколько не уступаютъ въ важности вопросамъ о справедливомъ распредѣленіи податей и повинностей. Впрочемъ и любимый-то авторомъ матеріялъ разросся у него такъ сильно отъ того, что онъ испещренъ тирадами въ родѣ слѣдующей: »Мы слышали, что пресловутый адрессъ московскаго дворянства обсуждался первоначально на французскомъ языкѣ, что члены нѣкоторыхъ земскихъ собраній сочиняютъ свои рѣчи первоначально на французскомъ языкѣ, и за тѣмъ ораторствуютъ по заученному русскому переводу. Мы не возстаемъ противъ знанія чужеземныхъ языковъ — дай намъ Богъ его побольше!—но въ этомъ пристрастіи къ нимъ видимъ обиду родной землѣ, благозвучный говоръ которой дѣлался достояніемъ низшихъ классовъ, еще болѣе вслѣдствіе того обособлявшихся« (стр. 80). Кому и для чего эта тирада нужна?

3) Я замѣтилъ, что въ главѣ 2-й (о повинностяхъ дворянства) приведено лишь нѣсколько общихъ соображеній и цитатъ изъ сочиненія г. Устрялова объ обязательной службѣ служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ, и почти ничего не сказано объ обстоятельствахъ, побудившихъ Петра В. радикально измѣнить характеръ этой службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое значеніе дворянства. Дѣйствительно, о первомъ изъ этихъ предметовъ говорится всего лишь на $1^1/_2$ стр. (116—

117) (причемъ встрѣчаются такія мѣста: »Военную службу отправлялъ преимущественно многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ —основной фондъ (?) служилаго люда«). Что касается до измѣненія службы дворянъ при Петрѣ В., то объ этомъ повѣствуется у г. Р.-С. въ афоризмахъ такого рода: »служба дворянъ дѣлается не періодически-отправляемой, но постоянной,..... выдѣляется особенная дѣятельность служилыхъ людей, получающая государственный характеръ — служба статская, гражданская« и т. п. Откуда и какъ происходятъ эти перемѣны, предоставляется читателю самому догадываться. Въ книгѣ нѣтъ даже указанія на то, когда и какъ появляются и развиваются у насъ регулярныя войска, эта коренная причина преобразованія у насъ дворянской службы. Объ учрежденіи этихъ войскъ при Петрѣ говорится глухо, въ выраженіяхъ такого рода: »*Очень рано* Петръ В. задумалъ преобразовать этотъ порядокъ отбыванія военной службы и замѣнить его службой постоянной въ регулярныхъ войскахъ. *Послѣ неудачи подъ Нарвою* онъ пересталъ уже довѣрять прежнимъ дворянскимъ ополченіямъ. Въ 1704 г. государь самъ смотрѣлъ недорослей, а по осмотрѣ, годныхъ въ службу записалъ въ солдаты. Бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ набралъ изъ нихъ драгунскій полкъ въ 1,000 человѣкъ....« (стр. 120). Выходитъ, какъ будто-бы до неудачи подъ Нарвою регулярнаго войска у насъ вовсе не было, да и самъ Петръ не думалъ о немъ. Между тѣмъ въ возраженіяхъ своихъ авторъ голословно увѣряетъ меня, что цитатами изъ соч. г. Устрялова онъ будто-бы *достаточно* охарактеризовалъ военную повинность служилыхъ людей до Петра и рекомендуетъ мнѣ внимательнѣе прочесть его книгу, чтобы убѣдиться что у него *достаточно развиты обстоятельства*, побудившія Петра преобразовать обязательную службу, а также, что данныя по этимъ вопросамъ, извлеченныя имъ изъ П. С. З., *весьма богаты*. Каждому ясно, какую цѣну имѣютъ подобныя увѣренія. Слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе мое, что при такой скудости матеріала по этимъ капитальнымъ вопросамъ, множество мелкихъ подробностей о томъ, какимъ образомъ обогащались нѣкоторыя изъ нашихъ дворянскихъ фамилій (стр. 158—167) являются уже роскошью, —г. Р.-Славатинскій признаетъ *нерезоннымъ* на томъ единственномъ основаніи, что »о вкусахъ не спорятъ« *).

---

*) Кстати о вкусахъ: вѣроятно по особенности своего вкуса ав-

До сихъ поръ были только цвѣточки полемики г. Р.-Славатинскаго, а вотъ слѣдуютъ ягодки.

При несоотвѣтствіи въ его книгѣ между матеріяломъ основнымъ и матеріяломъ изъ источниковъ дополнительныхъ, встрѣчаются, говорилъ я, значительные пропуски и даже невѣрности въ первомъ, послѣдній же приводится иногда совсѣмъ не у мѣста *); вотъ доказательства:

1) Какъ на промахъ, недозволительный не только магистру государственнаго права, но и всякому сколько-нибудь знакомому съ П. С. З., я указалъ на слѣдующее мѣсто въ книгѣ: »указъ 21 марта 1836 г., окончательно прекратившій помѣстныя дачи, что прямо явствуетъ изъ одного указа 1804 г. подъ № 21, 536, *не вошелъ* въ П. С. З., а указъ этотъ очевидно весьма важенъ.« (Предис. стр. X). Тоже повторено и въ другомъ мѣстѣ (стр. 154). Я замѣтилъ объ этомъ слѣдующее: авторъ, узнавъ изъ указа 1804 г., № 21, 536, о существованіи указа Анны Іоанновны, воспрещавшаго вотчинной коллегіи раздачу земель и, вслѣдствіе *неправильности* въ указаніи числа изданія этого указа, не нашедши его въ П. С. З. подъ 21 марта 1736 г., утверждаетъ, что онъ совсѣмъ не вошелъ въ П. С. З.; между тѣмъ указъ этотъ напечатанъ въ IX т. подъ 16-мъ марта 1836 г., № 6919, и легко могъ быть отысканъ по *алфавитному* указателю подъ словомъ *земли*, въ статьѣ *раздача каз. земель*, на стр. 727**). Чтобы понять значеніе этого про-

торъ слишкомъ уже обильно черпаетъ изъ книги кн. Долгорукова матеріялъ, относящійся къ исторіи гербовъ и титуловъ. На одиннадцати стр. (32—43) онъ разсказываетъ чуть-ли не о всѣхъ нашихъ титулованныхъ фамиліяхъ. Мало того, приводитъ таксу денежныхъ сборовъ съ грамотъ и дипломовъ на титулы и съ гербовъ; переводитъ даже на нѣмецкій языкъ слова *сіятельство* и *свѣтлость* (по своей небрежности къ нѣмецкому языку не совсѣмъ удачно: *Durcherlaucht*, вмѣсто *Durchlaucht*).

*) Напрасно г. Р.-С. отрицаетъ это несоотвѣтствіе *»ариѳметическимъ«* пріемомъ—счетомъ своихъ ссылокъ на П. С. З. съ одной стороны и на другіе источники съ другой. Пусть попробуетъ обратиться къ *геометрическому* пріему — къ опредѣленію *пространства* въ его книгѣ, занимаемаго изложеніемъ матеріяловъ и того и другого рода; я ручаюсь, выйдетъ результатъ совсѣмъ иной.

**) Указывалъ я на алфавитный указатель (въ извѣстной степени систематическій), а не на хронологическій не потому, что считаю его *авторитетнѣе*, какъ думаетъ г. Р.-Славатинскій, а потому, почему и въ библіотекахъ люди, не знающіе точно времени поступленія книги въ библіотеку, обращаются къ алфавитному указателю, или, если

маха, нужно знать, что искать въ первомъ П. С. З. какіе-либо указы подъ тѣми числами, подъ которыми они упоминаются въ другихъ указахъ, невозможно, что при такомъ исканіи въ немъ не окажется множества указовъ, и вотъ по какой причинѣ: »День состоянія законовъ доселѣ (т. е. до времени изданія перваго П. С.) означаемъ былъ разнообразно. Иногда указъ означается днемъ, когда онъ послѣдовалъ, иногда днемъ обнародованія и разсылки, и даже днемъ того доклада, вслѣдствіе коего указъ состоялся. Самый день обнародованія нерѣдко былъ означаемъ разными числами, по мѣрѣ того, какъ отправленіе и разсылка экземпляровъ въ разныя мѣста производилась. *Отъ сего въ ссылкахъ на указы одинъ и тотъ же указъ часто приводится и означается не токмо разными числами, но нерѣдко разными мѣсяцами и даже годами.* Въ предупрежденіе происходящихъ отъ сего недоразумѣній, принято (при напечатаніи указовъ въ П. С.) общимъ правиломъ означать указы единообразно днемъ ихъ состоянія. Изъ сего правила допущены въ рѣдкихъ случаяхъ исключенія...« (Предисл. къ П. С. З. стр. XXVI.

Приведенное мѣсто, очевидно должно быть извѣстно всякому, кто желаетъ пользоваться П. С. Что же оказывается? Г. Р.-Славатинскій его не знаетъ! Положившись на слова указа 1804 г., онъ ищетъ нужный ему указъ подъ 21 марта 1736 г. и, не находя его тамъ, рѣшаетъ, что его совсѣмъ нѣтъ въ П. С. Но кто же знакомый съ вышеприведенной замѣткой сталъ-бы искать его такимъ образомъ? Въ виду подчеркнутыхъ нами словъ этой замѣтки, велика-ли вѣроятность, чтобы указъ, упоминаемый въ 1804 г. подъ 21 марта 1736 г., дѣйствительно стоялъ въ П. С. подъ этимъ числомъ? Но г. Р.-Славатинскій имѣетъ наивность говорить, что »дату указа 1804 г. № 21, 536 (т. е. 21 марта 1736 г.) г. *Сидоренко не имѣетъ никакого основанія считать неправильной*!« (Возраж. стр. 7). И при этомъ онъ позволяетъ себѣ еще трунить надо мной, какъ надъ »*неопытнымъ* юристомъ, говорящемъ о предметѣ для него новомъ и *мало знакомомъ*.« Но обратимся къ указу, составляющему предметъ спора. Я утверждаю, что онъ помѣщенъ въ П. С., что

есть таковой, къ систематическому, а не къ хронологическому. Правда, кто не знаетъ, къ какому отдѣлу систематическаго каталога должна быть отнесена книга по своему предмету, тому и этотъ каталогъ безполезенъ и приходится *перелистывать* книги наудачу.

упоминаемый въ 1804 г. указъ вотчинной коллегіи есть именно тотъ, который напечатанъ въ П.С.З., въ т. IX, подъ 16 марта 1736 г., № 6919. Въ этомъ несомнѣнно должны убѣдить каждаго приводимая здѣсь выдержка изъ указа 29 ноября 1804 г. и цѣликомъ взятый указъ 16 марта 1736 г. *)

---

*) »Потомъ, во время царствованія Государя Императора Петра Великаго, когда всѣ помѣстныя имѣнія, указомъ 714 марта 23, вмѣстѣ съ вотчинами, подъ однимъ званіемъ недвижимаго имѣнія, утверждены дворянамъ въ потомство, и изданными штатами и уставами служба преобразована, и положено служащимъ жалованье, то раздача земель въ помѣстье *сама собою* должна была пресѣчься, и въ тоже время Помѣстный и другіе приказы уничтожены; а вмѣсто оныхъ учреждена Вотчинная Коллегія. Сей Коллегіи не было дано права на раздачу земель; однакожъ оная, по нѣкоторомъ времени, начала и продолжала принимать просьбы отъ дворянъ, посылала обыскивать, обмѣривать порозжія казенныя земли, и дѣлала къ отдачѣ нихъ опредѣленія. Таковыхъ раздачъ учинила на пространство многихъ сотъ тысячъ десятинъ, и сіе продолжала до того, какъ указомъ 1736 года марта 21 строго ужъ ей запрещено. Между тѣмъ получившіе по дачамъ ея дворяне, многіе изъ таковыхъ земель заселили нѣкоторые до сего указа, а другіе и послѣ онаго; изъ чего въ виду стала какъ частная нихъ и поселенныхъ крестьянъ, такъ и общественная польза. Въ уваженіе оной (уповать должно) послѣдовало узаконеніе Инструкціи 1766 года 24 главы въ 10 пунктѣ: къ состоящимъ на таковыхъ (произведенныхъ съ 714 года по 1736 г.) дачахъ селеніямъ, примежевывать все то число, которое въ дачу произведено; а если число не написано, а по однимъ только дано урочищамъ, то по симъ урочищамъ; безъ мѣры же и живыхъ урочищъ въ данныхъ земляхъ отмежевывать на каждую душу по 8 десятинъ. Что и исполняется....« П. С. З., 29 ноября 1804 г., № 21,536.

»Понеже по приговору Правительствующаго Сената, прошлаго 1735 г. декабря 23 дня, и по посланнымъ указамъ, велѣно прислать въ Сенатъ вѣдомость немедленно: 1. Изъ Вотчинной Коллегіи, по посланнымъ изъ той Коллегіи въ Казанскую губернію указамъ, въ Казанскомъ и въ другихъ уѣздахъ за Камою, по близости къ Башкирскимъ жилищамъ, пустыя порозжія земли иновѣрцамъ (которые, оставя въ прежнихъ своихъ мѣстахъ помѣстныя дачи впустѣ, переѣзжаютъ) по какимъ указамъ или собою раздаютъ и для чего и сколько четвертей и кому имены и въ которыхъ мѣстахъ и когда роздано, и за Камою въ коликомъ разстояніи, а впредь безъ указа изъ Сената, такихъ дачъ отнюдь не чинить. (Замѣтимъ, что это и есть *частное* опредѣленіе) 2. Генералъ-лейтенанту Румянцеву, когда онъ, по посланному отъ него указу изъ Казанской губерніи, вѣдомость и перепись получитъ: кому имены и которыхъ уѣздовъ и деревень и въ которыхъ мѣстахъ пустыя земли отведены и которые иновѣрцы на отводныя новыя земли перешли не въ дальнихъ мѣстахъ за Каму по близости къ Башкирцамъ, а

Что же касается ссылки г. Р.-Славатинскаго на *сенатора* Побѣдоносцева, какъ будто-бы тоже не нашедшаго этого указа въ П. С. З., то я весьма сожалѣю, что онъ не указалъ точно, гдѣ именно заявляетъ объ этомъ сенаторъ Побѣдоносцевъ; такъ какъ, зная *серьёзную* ученость с. Побѣдоносцева, я не могу вѣрить на слово подобной ссылкѣ г. Р.-Славатинскаго. Съ своей стороны я укажу на имя вполнѣ авторитетное, имя профессора Неволина, который принимаетъ указъ 16 марта 1736 г. за тотъ именно, который упоминается въ 1804 и 1766 гг.; не желая никого мистифировать, заявляю, что эти указы приведены въ его Исторіи гражд. законовъ, въ т. IV Полнаго собра-

---

прежнія оставили впустѣ: съ оной въ Сенатъ прислать для разсмотрѣнія копію, въ которой показать именно въ коликомъ разстояніи за Камою и изъ какихъ народовъ поселилисъ. А Вотчинная Коллегія въ Сенатъ доноситъ: что де изъ такихъ порозжихъ земель и изъ дикихъ поль, не токмо иновѣрцамъ, но и прочимъ служилымъ воинскимъ и штатскимъ чинамъ, ни какихъ дачъ та Коллегія не чинила и не чинитъ; но токмо де по челобитью разныхъ чиновъ людей и иновѣрцевъ посылала въ города указы о сыскѣ и о досмотрѣ и о мѣрѣ и объ учиненіи чертежей тѣмъ землямъ, и о присылкѣ въ ту Коллегію, что такія порозжія земли есть-ли и порожия-ль и не въ дачахъ-ли за кѣмъ и не приписаны-ль къ какимъ землямъ, дабы о нихъ въ той Коллегіи было вѣдомо; по которымъ указамъ, изъ нѣкоторыхъ городовъ сыски и досмотры и мѣрныя книги и чертежи присланы, а по инымъ и понынѣ не прислано; и по присланнымъ сыскамъ безъ указа изъ Сената, та Коллегія никакого производденія не чинитъ: понеже изъ такихъ порозжихъ земель и дикихъ поль по скольку четвертей давать, окромѣ прежнихъ указовъ, также и Татарамъ, изъ какихъ земель и по скольку-жъ четвертей человѣку давать, въ той Коллегіи нѣтъ; ибо Татара дачами были вѣдомы Казанскаго Дворца, а оный Приказъ въ 701 г. сгорѣлъ, и о присылкѣ съ такихъ указовъ точныхъ копій, писано въ Казань, а не отвѣтствовано. *Того ради Правительствующій Сенатъ приказали: тѣхъ порозжихъ и дикихъ земель никому безъ указа изъ Сената не давать, и о сыскѣ и о досмотрѣ и о мѣрѣ указовъ не посылать и челобитенъ не принимать.* (Вотъ это—*общее* опредѣленіе). *А кому до сего времени изъ той Коллегіи такіе указы даны, а въ городахъ Воеводы такимъ землямъ чинили собою дачи, а на тѣхъ земляхъ никакого поселенія нѣтъ, у тѣхъ всѣхъ тѣ дачи описать по прежнему.* А кто уже поселился и сколько какого строенія построено и крестьянъ поселено, и кто Воеводы и кому имены, такія дачи собою чинили: о томъ изъ городовъ прислать обстоятельныя вѣдомости въ Вотчинную Коллегію, а той Коллегіи изъ тѣхъ вѣдомостей, учиня по городамъ и по званіямъ выписку, прислать въ Сенатъ« П. С. З., 1736 г., марта 16, № 6919.

нія сочиненій (изд. 1858 г.), на стр. 363, и вотъ какимъ образомъ: »Вотчинная коллегія, учрежденная вмѣсто помѣстнаго приказа, стала принимать просьбы отъ дворянъ объ отдачѣ имъ порожнихъ каз. земель, посылала обыскивать и обмѣривать просимыя земли и дѣлала объ отказѣ ихъ опредѣленія. Въ городахъ также воеводы давали сами собою земли. *Въ 1736 г. Правительствующій сенатъ повелѣлъ прекратить эту раздачу.*« За симъ слѣдуетъ у Неволина подстрочная ссылка: »*1736 г., 16 марта (6919).* Ср. 1766 мая 25 (12659) гл. 24, ст. 10; *1804 ноября 29 (21,536).*« Удивляюсь, какъ такой *опытный* юристъ, какъ г. Р.-Славатинскій, не замѣтилъ этого у Неволина.

2) Въ замѣчаніяхъ своихъ на книгу »Дворянство въ Россіи« я указалъ на слѣдующую несообразность: на стр. 119 разсказывается о призывахъ дворянъ на службу по старому порядку, на основаніяхъ помѣстной системы, именно о призывахъ, бывшихъ въ *1712* и *1713* гг., а на стр. 121 говорится: »*Новый* порядокъ обязательной службы шляхетства окончательно установился съ образованіемъ сената въ *1711 г.*..« Въ промежуткѣ, на стр. 120, авторъ недоумѣваетъ—были, или нѣтъ, призывы дворянскихъ ополченій послѣ 1713 г., и рѣшаетъ недоумѣніе тѣмъ, что будто-бы *такіе призывы* были и при Аннѣ Іоанновнѣ. Я нахожу страннымъ и это недоумѣніе и этотъ выходъ изъ него. Какъ видно изъ послѣдующаго, автору извѣстенъ законъ 1714 г., о единонаслѣдіи; но онъ не можетъ сообразить, что послѣ этого закона, совершенно *упразднившаго помѣстную систему*, призывъ дворянъ на службу на *основаніяхъ этой системы* сталъ *невозможенъ*. Пусть только подумаетъ г. Р.-С., на какія средства стали-бы отправлять *помѣстную* военную службу, т. е. идти въ походъ конными, людными и оружными, и все это на собственный счетъ, дворяне кадеты, младшіе сыновья, которые съ 1714 г. не только не имѣли права наслѣдства въ недвижимыхъ имуществахъ родителей, но не имѣли даже права за деньги пріобрѣтать такихъ имуществъ, не прослуживъ опредѣленнаго числа лѣтъ въ военной или гражданской службѣ? Отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи, Анна Іоанновна, какъ извѣстно, подтвердила упраздненіе помѣстнаго владѣнія. Выходъ изъ своего недоумѣнія—предположеніе, что и при Аннѣ Іоанновнѣ были призывы дворянскихъ ополченій *на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ началѣ царствованія Петра*, г. Р.-С. основываетъ на одномъ указѣ этой государыни, который свидѣтельствуетъ *именно противное* и могъ-бы быть съ успѣхомъ приведенъ для

доказательства, что въ то время подобныхъ призывовъ не было, если-бы только такое доказательство было нужно. Въ подстрочной выноскѣ привожу дословно *весь* пунктъ указа, въ которомъ говорится объ этомъ предметѣ *). Изъ него видно, что на представленіе правительству Татищева (начальника сибирскихъ горныхъ заводовъ) о нарядѣ казанскихъ дворянъ въ походъ противъ Башкирцевъ, въ подкрѣпленіе регулярному войску, послѣдовалъ категорическій отказъ, въ словахъ: »котораго вашего опредѣленія аппробовать невозможно« и объясненъ анахронизмъ подобной мѣры, несовмѣстность ея съ положеніемъ, какое въ то время занимали въ государствѣ дворяне и ихъ крестьяне.

Когда на публичномъ диспутѣ я изложилъ это содержаніе указа, то услышалъ отъ г. Р.-Слав. заявленіе, что указъ этотъ *проштудированъ* мною лучше, нежели имъ (подлинныя слова его: »видно, что вы хорошо *проштудировали* указъ«). Но теперь, въ возраженіяхъ своихъ, онъ говоритъ уже совсѣмъ другое: увѣряетъ, что онъ имѣетъ полное право ссылаться на этотъ указъ, какъ на свидѣтельство, что и при

---

*) »Чтобъ въ добавокъ къ обрѣтающимся тамо военнымъ людямъ, нарядить Казанской губерніи всѣхъ дворянъ и отставныхъ офицеровъ, кои живутъ въ домахъ своихъ или удѣлъ въ той губерніи, а которые, за старостію и прочими невозможностьми сами быть не могутъ, тѣмъ бы съ персоны, кромѣ служащихъ въ арміи, дать по человѣку, да по числу крестьянъ отъ двух сотъ пятидесятъ до трехъ сотъ душъ одного, *котораго вашего опредѣленія аппробовать не возможно;* ибо офицеры отъ службы отставлены для ихъ старостей и болѣзней и другихъ неудобностей, отъ которыхъ порядочной впредь службы уповать не можно, только имъ трудъ и разореніе отъ того приключиться можетъ, а крестьяне безъ того подати платятъ, рекрутъ и лошадей ставятъ, отъ которыхъ больше того *иного требованія быть не надлежитъ*, а когда сверхъ того походами изнурены будутъ, то въ самое мизерство и разореніе придутъ, и чтобъ впредь отъ нихъ подати получать, надежды не будетъ, и тако больше государству убытка, нежели отъ такихъ ихъ службъ прибыли быть можетъ; но развѣ воры Башкирцы намѣреніе воспріимутъ въ *Россійскія жилища впаденіе учинить*, въ *такомъ необходимомъ нужномъ случаѣ* онымъ дворянамъ объявить, чтобы они сами съ людьми своими, для *собственной своей и отечества обороны*, въ походъ пошли; а которые сами въ походъ идти не могутъ, тѣ-бъ послали людей своихъ по возможности *съ такихъ ружьемъ какое у кого въ домахъ есть*; *а людей особливо съ числа душъ, для вышеписанныхъ резоновъ, не брать;* но когда такая нужда минуется то ихъ того-жъ часа со всѣми ихъ людьми отпустить«. П. С. З. 1738 г., февраля 15, № 7514 п. 4.

Аннѣ Іоанновнѣ продолжались призывы помѣщиковъ на службу по *старому порядку*. При этомъ цитируетъ слова: »но развѣ воры—Башкирцы намѣреніе воспріимутъ въ Россійскія жилища впаденіе учинить, въ такомъ необходимомъ нужномъ случаѣ онымъ дворянамъ объявить, чтобы они сами съ людьми своими въ походъ пошли.« Въ цитатѣ, конечно, »*не безъ добраго намѣренія*«, г. Р.-С. пропускаетъ слова: »для собственной своей и отечества обороны,« не обозначая даже пропуска многоточіемъ. Не хочетъ онъ и продолжить цитаты, конечно потому, что продолженіе крайне неблагопріятно для него; вотъ оно: »а которые сами въ походъ идти не могутъ, тѣ-бъ послали людей своихъ *по возможности съ такимъ ружьемъ, какое у кого въ домахъ есть, а людей особливо съ числа душъ для вышеписанныхъ резоновъ, не брать; но когда вышеписанная нужда минуется, то ихъ того-жъ часа со всѣми ихъ людьми отпустить.*« Вотъ изъ такой полной цитаты и оказалось-бы, что въ разсматриваемомъ указѣ, послѣ *категорическаго* отверженія мѣры, напоминающей *старинные призывы помѣщиковъ на службу*, принято было во вниманіе, что въ случаѣ рѣшительной крайности (»въ необходимомъ нужномъ случаѣ«) когда отъ разбоевъ башкирскихъ не будетъ покоя обывателямъ въ ихъ собственныхъ домахъ (»когда воры—Башкирцы намѣреніе воспріимутъ въ Россійскія жилища впаденіе учинить«) можно прибѣгнуть, для отпора имъ, къ чрезвычайному средству, именно: пригласить мѣстныхъ дворянъ самимъ съ людьми своими позаботиться объ оборонѣ себя и всего края; но при этомъ вовсе не обязывать ихъ къ какому-нибудь правильному вооруженію, а предоставить вооружаться чѣмъ кто можетъ (»съ такимъ ружьемъ какое у кого въ домахъ есть«) *); равнымъ образомъ не дѣлать какого-либо общаго наряда крестьянъ въ походъ по числу ревизскихъ душъ въ каждомъ имѣніи. Это-ли призывъ помѣщиковъ, *составляющій продолженіе прежнихъ призывовъ*, имѣвшихъ мѣсто въ Московскомъ государствѣ, призывовъ, при которыхъ примѣнялись строго выработанныя правила, »кто какъ коненъ, люденъ и оруженъ« долженъ выступить въ походъ, при которыхъ всякій разъ опредѣлялось, съ какого именно числа крестьянскихъ дворовъ (податныя единицы, которыя со времени Петра были замѣнены другими—ревизскими душами) долженъ быть выставленъ человѣкъ, при невозможности

*) *Ружье* на тогдашнемъ языкѣ значитъ *оружіе*.

для помѣщиковъ лично идти въ походъ? Не ясно-ли, что если въ приведенной мѣрѣ видѣть продолженіе *прежнихъ* призывовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, то такое продолженіе можно видѣть и въ наше время во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обывателямъ какого-нибудь поселенія приходится отбиваться отъ дерзкой разбойничьей шайки всѣмъ, что попадется подъ руку?

3) Третій указанный мною промахъ: въ узаконеніяхъ Петра о горной промышленности, изложенныхъ въ П. С. З. подъ № 3464, г. Р.-Слав. находитъ »условія крайне стѣснительныя для частной промышленности« (стр. 244); между тѣмъ рѣчь въ нихъ идетъ о мѣрахъ самаго широкаго *покровительства и поощренія* горнопромышленникамъ.

Въ возраженіяхъ своихъ мнѣ г. Р. - С. обращается къ увертке, объясняя, что слова: »условія крайне стѣснительныя для горной промышленности,« сказаны имъ лишь *мимоходомъ*, и потому собственно, что указъ Петра подчинялъ эту промышленность строгой регламентаціи и контролю бергъ-коллегіи (учрежденной, замѣчу отъ себя, собственно для оказанія содѣйствія горной промышленности). Очевидно, онъ говоритъ это лишь для того, чтобъ избѣгнуть полнаго сознанія въ своемъ промахѣ. Довольствуюсь и полупризнаніемъ и не стану спорить съ нимъ, да и спорить-то неловко: кому же неизвѣстны ревностныя заботы Петра В. о развитіи въ Россіи горной промышленности и успѣхи, увѣнчавшіе эти заботы?

4) Но вотъ промахъ, до того невѣроятный, что у меня не доставало духу ясно высказаться о немъ ни на диспутѣ, ни въ офиціальныхъ замѣчаніяхъ. На стр. 245 книги г. Р.-С. сказано: »Нѣкоторое *ограниченіе* закона 1782 г. (которымъ »дозволено каждому добывать въ своихъ собственныхъ земляхъ и обработывать всякіе металлы и минералы«) состояло до послѣдняго времени въ томъ, что *разработка соли составляла регалію*, но съ 1862 г., *со введеніемъ акциза на соль обработка ея сдѣлалась предметомъ частной промышленности.*« Какъ ни ясно здѣсь г. Р.-С. высказываетъ, что у насъ до 1862 г. частныя лица *не имѣли права* заниматься соляною промышленностью, что право это принадлежало исключительно казнѣ, и что только съ упомянутаго года занятіе соляною промышленностью дозволено и частнымъ лицамъ, причемъ впервые введенъ былъ у насъ и акцизъ на соль,—но я не рѣшался утверждать, что г. Р.-С. держится *такого*

мнѣнія. На диспутѣ я ограничился просьбою разъяснить мнѣ вышеприведенныя слова книги, и когда получилъ въ отвѣтъ, что авторъ затруднится разъясненіемъ, такъ какъ не можетъ припомнить примѣчанія, которое онъ написалъ къ нимъ, но которое будто-бы выпало въ типографіи при наборѣ, то удовольствовался и этимъ. Въ официальныхъ замѣчаніяхъ моихъ я выразилъ сомнѣнія также съ оговоркою; я сказалъ »въ уставѣ о соли изданномъ въ 1818 году и вошедшемъ въ Св. Зак., авторъ, *повидимому,* находитъ то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, именно: будто-бы по уставу этому разработка соли составляла регалію и была недоступна частнымъ лицамъ, и не находитъ того, что въ немъ есть—акциза на соль« и т. д.; какъ же исправляетъ свою ошибку г. Р. С.? »Во-первыхъ, говоритъ онъ, мы ни *полслова* не говоримъ объ уставѣ 1818 г.« Но постановленія о соли, дѣйствовавшія до 1862 г. изложены *именно* въ уставѣ 1818 г., слѣдовательно говорить о тѣхъ постановленіяхъ значитъ говорить не о чемъ другомъ, какъ именно объ уставѣ 1818 г. »Во-вторыхъ«, продолжаетъ онъ »на стр. 245 мы говорили только то, *что хорошо должно быть извѣстно финансисту«* (хорошъ бы я былъ финансистъ!) »говорили именно, что до 1862 г. разработка соли составляла у насъ *государственную монополію,* а законъ 1862 г., *ввевшій* общую для всей имперіи *акцизную систему* государств. *солянаго дохода и предоставившій* соляную промышленность частнымъ лицамъ, отмѣнилъ ея *монопольный* характеръ...« Такимъ образомъ г. Р.-С. не только положительно и настойчиво утверждаетъ, что до 1862 г. соляная промышленность составляла у насъ государств. монополію, и въ этомъ только году введенъ акцизъ на соль и промышленность эта стала *впервые* доступна частнымъ лицамъ, но и хочетъ *пристыдить* меня, что я не признаю такихъ фактовъ! Что сказать на это? Мнѣ совѣстно спорить. Неужели я долженъ документально доказывать доктору государственнаго права, что и до 1862 г. никакой государств. монополіи на соль у насъ не было, что рядомъ съ казенными соляными промыслами безпрепятственно существовали и частные, вполнѣ свободно конкурируя съ ними и подлежа лишь акцизу, что въ 50-хъ годахъ правительство стало убѣждаться, что конкурировать казнѣ съ частными солепромышленниками, не довольствуясь акцизомъ съ нихъ, неудобно и невыгодно, и что поэтому въ 1862 г. оно рѣшило постепенно передать въ частныя руки и тѣ промыслы, которые до того принадлежали казнѣ, отнюдь, впрочемъ, *не на монопольномъ пра-*

вѣ, а на такомъ же правѣ, какъ и другія государств. имущества,—неужели, говорю я, нужно доказывать все это? Но вѣдь это извѣстно читающей публикѣ просто изъ газетъ. Впрочемъ, чтобъ не подумалъ г. Р.-С., что я уклоняюсь отъ прямаго отвѣта, я, посовѣтовавъ ему посмотрѣть въ Сводѣ зак. хоть оглавленіе устава о соли 1818 г., привожу изъ него одну статью о частной солепромышленности:

»*Изъ источниковъ, находящихся на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, добываніе соли производится по собственному ихъ распоряженію. Имъ предоставляется полное право или обращать оную на вольную продажу, по собственному усмотрѣнію, или поставлять въ казенные магазины за цѣну, по взаимнымъ съ казною условіямъ постановленную.*« Св. зак. изд. 1857 г. Т. VII. Уст. о соли, ст. 375.

Какая же это монополія казны?

5) Предложивъ въ своей книгѣ вопросъ: освобождались-ли отъ постоя деревенскіе домы помѣщиковъ до жалованной грамоты 1785 г., авторъ отвѣчаетъ, что будто-бы относительно велико-русскихъ дворянъ *нѣтъ данныхъ* для рѣшенія этого вопроса. «Мы только знаемъ, продолжаетъ онъ, что въ 1722 дворянамъ повелѣно было строить избы для полковыхъ урядниковъ и солдатъ« и не ставить ихъ по дворамъ крестьянскимъ (стр. 267). Въ замѣчаніяхъ своихъ я сказалъ, что это завѣреніе о *неимѣніи данныхъ* неосновательно, и для опроверженія его вовсе нѣтъ нужды перелистывать цѣлые томы П. С. З., а достаточно только справиться подъ словомъ »постой« въ алфавитномъ указателѣ, который хотя и не есть въ глазахъ моихъ *источникъ премудрости*, какъ усиливается сострить г. Р.-С., но для умѣющаго пользоваться имъ дѣйствительно облегчаетъ работу по П. С. З. Справляясь въ указателѣ подъ означеннымъ словомъ, мы находимъ въ П. С. З. указы: № 4533, 26 іюня 1724 г. и № 4654, 10 фев. 1725 г. (Въ замѣчаніяхъ моихъ по опечаткѣ стоитъ 1752; г. Р.-С. обратилъ вниманіе и на эту опечатку, хотя я не обращаю вниманія и на такія обмолвки въ его книгѣ: *подушные*, вмѣсто *податные* классы). Въ первомъ изъ нихъ, въ п. 19 сказано: »Понеже... помѣщики большая часть желаетъ, чтобъ полкамъ квартиръ не строить, а стоять бы по крестьянскимъ дворамъ, изъ чего можетъ произойти тѣмъ деревнямъ, въ которыхъ по крестьянскимъ дворамъ стоять будутъ, передъ тѣми, у которыхъ постою не будетъ, не малая тягость: того ради нынѣ *построить слободы*, въ которыхъ сдѣлать сержантамъ каждому по избѣ, про-

чимъ унтеръ-офицерамъ двумъ одна, рядовымъ тремъ человѣкамъ одна́жъ.« Слѣдуютъ подробности о размѣрахъ квартиръ и объ устройствѣ другихъ воинскихъ помѣщеній, а потомъ говорится:

»На вышеписанное на все строеніе лѣсъ и прочіе лѣсные припасы и мохъ возить тѣми уѣзды, въ которыхъ полкъ квартиру имѣть будетъ; а строить тѣ слободы и дворы полковой и штабный и прочее полками; а гдѣ полковъ не будетъ, то въ тѣхъ мѣстахъ строить *крестьянами и посадскими людьми также и разночинцами, которые въ подушной сборъ положены* тѣхъ провинцій, въ которыхъ оные полки росписаны будутъ.«

Такимъ образомъ помѣщикамъ сдѣлано облегченіе: указомъ 1722 г. имъ вмѣнялось въ обязанность самимъ строить избы для квартированія войскъ; теперь же предположено устроить для этой цѣли особыя слободы, и при томъ рабочими изъ солдатъ и изъ всѣхъ мѣстныхъ податныхъ обывателей. Въ 1725 г. измѣнена и эта мѣра: въ упомянутомъ указѣ этого года рѣчь идетъ уже о непринужденіи уѣздныхъ обывателей строить полковые дворы и о дозволеніи желающимъ »держать драгунъ и солдатъ, какъ холостыхъ, такъ и женатыхъ, въ *крестьянскихъ дворахъ.«*

Отсюда, кажется, ясно видно, что о постоѣ въ собственныхъ помѣщичьихъ домахъ не могло быть въ то время и рѣчи, и что помѣщики мало-по-малу освобождены были и отъ расходовъ на постройку воинскихъ помѣщеній; такъ что постойная повинность въ уѣздахъ вполнѣ перешла на крестьянъ.

Не въ правѣ-ли я былъ сказать, что въ приведенныхъ указахъ содержатся данныя *вполнѣ категорическія* для разрѣшенія вышеупомянутаго вопроса? Г. Р.-Славатинскій увѣряетъ, что въ нихъ нѣтъ не *только категорическихъ, но и никакихъ новыхъ данныхъ сравнительно съ указомъ 1722 г.* Какъ спорить съ нимъ послѣ этого?

6) Съ замѣчаніемъ моимъ, что въ книгѣ *о дворянствѣ* не говорится ни слова объ отношеніи дворянъ къ другимъ земскимъ повинностямъ, равно какъ съ тѣмъ, что предметъ этотъ имѣетъ важное практическое значеніе, г. Р.-Славатинскій соглашается; но онъ сомнѣвается, чтобы для изслѣдованія этого предмета былъ достаточный матеріалъ въ П. С. З., мало того—онъ увѣряетъ, что тамъ *нѣтъ и никакого матеріала* этого рода. Думая поставить меня въ крайнее затрудненіе, г. Р.-Славатинскій иронически приглашаетъ меня указать №№ П. С. З., сюда относящіеся.

Какъ тутъ быть? Неужели ссылаться опять на *неизбѣжный* алфавитный указатель, за предилекцію къ которому я получилъ такіе сильные упреки? Оставлю его въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что число находящихся въ немъ №№ по занимающему насъ вопросу наполняетъ около трехъ страницъ подъ однимъ только словомъ *повинности земскія и мірскія*, не говоря уже о №№ подъ словами *квартированіе войскъ, мосты, гати и перевозы* и проч. Ограничусь указаніемъ на два основныя законоположенія: »*Предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ*« 2 мая 1805 г., помѣщенное въ XXVIII т. П. С. З. подъ № 21, 737 и на »Уставъ о земскихъ повинностяхъ« 13 іюля 1851 г., котораго даже не нужно искать въ П. С. З., такъ какъ онъ вошелъ и въ IV т. Св. зак. изд. 1857 г. *Смѣю увѣрить* г. Р.-Славатинскаго, что въ обоихъ этихъ законоположеніяхъ содержится *достаточно* матеріяла для характеристики отношенія дворянъ къ земскимъ повинностямъ.

Кстати объ отношеніи дворянъ къ повинностямъ. Въ книгѣ »Дворянство въ Россіи« одной изъ важнѣйшихъ привилегій этого сословія, *свободы отъ личныхъ податей и повинностей*, авторъ едва касается, полагая, вѣроятно, что и для этого предмета нѣтъ больше данныхъ въ П. С. З. Посвятивъ этому предмету всего четыре стр. (265—268) своего »*обширнаго труда*«, авторъ наполняетъ и эти немногія страницы общими мѣстами и фразами, одна другой противурѣчащими; такъ напр. то утверждаетъ, что послѣ 1762 г. для исключенія дворянъ изъ податныхъ классовъ »*не оставалось болѣе другаго основанія, какъ сословная привиллегія*, внѣшняя разграничительная черта благородныхъ отъ подлыхъ« (стр. 266), т. е. другими словами — не оставалось собственно никакого основанія, то говоритъ, что только съ преобразованіями *послѣдняго* времени »*рушится* послѣднее основаніе льготы дворянства отъ рекрутчины« (стр. 268). Но, что всего страннѣе, авторъ нашелъ на тѣхъ же четырехъ страницахъ достаточно мѣста, чтобы разсказать *мимоходомъ* о строптивости нрава покойника прошлаго столѣтія д. ст. сов. Демидова, который, »не допускалъ въ свой домъ (въ городѣ) назначеннаго постоя, говоря, что ежели кто придетъ къ нему ставить постой, то онъ будетъ того выталкивать въ шею« (стр. 268). А впрочемъ, съ точки зрѣнія г. Р.-С. это, можетъ быть, гораздо интереснѣе, чѣмъ какая - нибудь *соляная регалія*, или подушная подать.

Для доказательства, что рядомъ *съ поразительными пропусками и погрѣшностями* въ матеріялѣ основномъ, юридическомъ, авторъ слишкомъ

щедръ на матеріалы другого рода, что онъ приводитъ ихъ часто совсѣмъ не кстати, я указалъ слѣд. примѣры въ его книгѣ:

1) На стр. 169 приведена выдержка изъ одного письма Петра В., характеризующая лишь безцеремонную манеру его выражаться и ничего не объясняющая въ вопросѣ объ обязательномъ обученіи дворянства. Вотъ эта выдержка: »Стольники, которые прежде насъ посланы сюда, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. *Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ премѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ статъ, еще ртомъ поср....«* Что же дѣлаетъ г. Р.-С.? Онъ приводитъ въ возраженіяхъ выдержку, *опуская* подчеркнутыя мною слова, въ которыхъ собственно и заключается безцеремонность выраженія; и зачѣмъ было опускать? вѣдь въ книгѣ же они стоятъ! или, можетъ быть, въ этотъ разъ стало ужъ неловко?

2) На стр. 191 авторъ приводитъ разсказъ кн. Щербатова, объясняющій происхожденіе манифеста о вольности дворянства отношеніями Петра III къ его фавориткамъ, разсказъ, которому самъ г. Р.-Слав. не вѣритъ и не придаетъ никакого значенія, и несообразность котораго доказана уже другими изслѣдователями. Въ оправданіе свое г. Р.-С. говоритъ, что на *его вкусъ* разсказъ этотъ очень интересенъ, и потому собственно и приведенъ имъ. Замѣчу, что разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ общихъ журналахъ, довольно распространенныхъ, и конечно многимъ читателямъ давно уже извѣстенъ; но не спорю, что тѣмъ, кому *по вкусу* гривуазные разсказы, можетъ быть, пріятно будетъ возобновить его въ памяти и при чтеніи ученой диссертаціи г. Р.-Славатинскаго.

3) На стр. 196, какъ одно изъ доказательствъ *восторга,* съ какимъ дворянство приняло манифестъ о вольности, авторъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ журнала »Живописецъ«: »Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: *да чортъ-ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дана вольность*, а ничего не можно своею волею сдѣлать!...«

Въ возраженіяхъ своихъ г. Р.-С. называетъ меня за это указаніе человѣкомъ, привыкшимъ не уважать *людей, трудящихся для науки*, впрочемъ соглашается со мной, что отрывокъ этотъ дѣйствительно *не свидѣтельствуетъ о восторгѣ дворянства*; но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что еслибы онъ былъ приведенъ не въ текстѣ, а въ примѣча-

ніяхъ, то былъ-бы умѣстенъ. Я же имѣю смѣлость думать, что и въ примѣчаніи онъ не свидѣтельствовалъ-бы *о восторгѣ*.

4) На стр. 41 авторъ говоритъ: »Мы знаемъ, какія искательства иногда употреблялись (въ 18 в.), какія жертвы иногда приносились, чтобы сдѣлаться Erlaucht, Durcherlaucht«, и поясняетъ эту мысль въ примѣчаніи 27 такъ: »Интересно слѣдующее четверостишіе Державина:

Я *князь* *), коль мой *сіятъ* **) духъ
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, отчизнѣ, церкви другъ.«

За это указаніе г. Р.-С. называетъ меня шутникомъ, свою же чудную ссылку на стихи Державина въ развитіе мысли о томъ, какъ падки были люди 18 в. къ титуламъ, онъ объясняетъ *теперь* такъ: стихи-де приведены въ смыслѣ *поэтическаго* протеста Державина. Пусть будетъ такъ (хотя связующія слова: »интересно слѣдующее четверостишіе« и предательскіе курсивы словъ: *князь*, *сіятъ*, показываютъ совсѣмъ *не то*). Но какую же нужно имѣть *поэтическую логику*, чтобъ, высказавъ мысль, приводить не доказательства ея, но протесты противъ нея!

Перешедши отъ искусства г. Р.-Сабатинскаго собирать и сводить научный матеріалъ къ способу его обработки, къ тому, что авторъ называетъ *пріуготовительными этюдами*, я указалъ на слѣдующія несообразности:

1) Въ предисловіи авторъ берется объяснить смыслъ *всей* исторіи нашего дворянства, а не одного только періода, начинающагося съ Петра В. и избраннаго имъ для изслѣдованія. Въ первыхъ строкахъ книги стоитъ общее положеніе, что »отличительная черта въ исторіи нашего дворянства состоитъ въ томъ, что у насъ оно *всегда было установленіемъ политическимъ*, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся *сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительственнымъ*.« »Въ этомъ, прибавляетъ авторъ, состоитъ радикальное отличіе нашего *служилаго дворянства* отъ *феодальной землевладѣльческой аристократіи* зап. Европы, нашей идеи благородства, основанной на *службѣ* государству и

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.
**) Курсивъ въ подлинникѣ.

народу Русскому и *пожалованной* самодержцемъ, отъ идеи благородства западно-европейскаго, основанной на *крови*, на *контрактѣ* съ государственной властью.»

Положеніе это, составляющее основную мысль всего сочиненія, я нахожу страннымъ во многихъ отношеніяхъ. *Во-первыхъ*, изъ книги автора нисколько не видно, чѣмъ было дворянство наше *всегда*, такъ какъ о дворянствѣ до Петра въ ней почти ничего нѣтъ; изъ другихъ же книгъ и не-спеціалистамъ по Русскому государственному праву извѣстно, что не только дружинники удѣльнаго періода *существовали и видоизмѣнялись* зачастую *сообразно своимъ собственнымъ цѣлямъ и потребностямъ*, но даже и служилые люди Московскаго государства долго боролись, и иногда не безъ успѣха, за то, чтобъ существовать по своимъ собственнымъ интересамъ и только согласно съ этими интересами служить государямъ. Не распространяясь объ этомъ предметѣ, припомнимъ только, что въ этой борьбѣ существенный смыслъ царствованія Грознаго, что ею же во многомъ объясняются и событія смутнаго времени. *Во-вторыхъ*, слова: *служилое дворянство*, *служба государству*, *пожалованіе* самодержцемъ—у насъ, и *феодальная землевладѣльческая аристократія*, *благородство крови*, *контрактъ съ государственною властью*—въ зап. Европѣ,—сами по себѣ ровно ничего не объясняютъ. Феодальная аристократія обязана своимъ происхожденіемъ тоже службѣ; землевладѣніе было принадлежностью и нашихъ служилыхъ людей; кровь или порода играла и у насъ немаловажную роль; не чужды были нашимъ служилымъ людямъ въ извѣстные періоды нашей исторіи и договорныя отношенія къ князьямъ. Сущность вопроса совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, какъ при всѣхъ означенныхъ условіяхъ дворянство наше оказалось отличнымъ отъ западно-европейскаго, почему люди, имѣвшіе и породу, и землевладѣніе, и стоявшіе нѣкогда въ договорныхъ отношеніяхъ къ князьямъ, не могли быть такими сильными и самостоятельными предъ монархической властью, какъ въ западной Европѣ. Ужъ если говорить о томъ, для чего въ сочиненіи нѣтъ данныхъ, то говорить по крайней мѣрѣ такъ, чтобъ изъ словъ что-нибудь выходило. *Въ-третьихъ*, если положиться на другіе этюды, встрѣчающіеся въ сочиненіи, то окажется, что и въ изслѣдуемый авторомъ періодъ, послѣ Петра В., многое въ исторіи нашего дворянства существовало и развивалось безъ всякаго почти отношенія къ цѣлямъ и потребностямъ правительства.

Такъ напр. на стр. 278 авторъ положительно говоритъ, что только *»установленіе* крѣпостной зависимости крестьянъ мотивировалось государственнымъ интересомъ; но дальнѣйшее развитіе ея совершалось *подъ преобладающимъ вліяніемъ чисто частныхъ интересовъ землевладѣльцевъ*—изпомѣщенныхъ царскихъ чиновныхъ людей 17 стол., шляхетства и дворянства 18 в.« Для другаго важнаго преимущества дворянъ, для свободы ихъ отъ податей и повинностей, по собственнымъ словамъ автора, съ 1762 г. *»не оставалось болье другаго основанія;* какъ сословная привилегія, внѣшняя разграничительная черта благородныхъ отъ подлыхъ« (стр. 266). Какой же тутъ интересъ правительства?

Надо отдать справедливость автору, что на эти замѣчанія, изложенныя мною прежде въ менѣе полномъ видѣ, нежели здѣсь, онъ не признаетъ возможнымъ серьезно возражать; онъ ограничивается лишь замѣчаніями, что всего въ одинъ разъ сдѣлать нельзя, что въ его книгѣ есть масса подходящихъ данныхъ и т. п. Онъ совсѣмъ умалчиваетъ о трудности согласить такія два положенія: 1) дворянство существовало и развивалось сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительства, и 2) развитіе права дворянъ владѣть крѣпостными людьми совершалось подъ преобладающимъ вліяніемъ чисто частныхъ интересовъ дворянства. По всему праву принимаю это молчаніе за знакъ согласія, принимаю тѣмъ охотнѣе, что оно избавляетъ меня отъ необходимости останавливаться еще на одномъ положеніи, находящемся въ *новомъ* противурѣчіи со вторымъ изъ приведенныхъ положеній, именно: »если мотивъ укрѣпленія крестьянъ въ концѣ 16 в. и основаніе его до 1762 г. лежали въ потребностяхъ государства—въ обязанности дворянства тянуть тягло, то *такое же основаніе*, только видоизмѣненное, *осталось и послѣ 1762 г.*—обязанность дворянства, хотя законъ называлъ ее правомъ, преимуществомъ, тянуть тягло мѣстной службы« (стр. 491). *)

---

*) Впрочемъ положеніе это и само по себѣ такъ оригинально, что не могу не остановиться на немъ хоть на минуту: вѣдь если выборная дворянская служба, введенная съ 1785 г. жалованной грамотой Екатерины II, была тягломъ, и притомъ такимъ, что въ немъ заключалось достаточное основаніе крѣпостнаго права дворянъ, то остается только подивиться, какъ городовое положеніе той же государыни не дало крѣпостнаго права городскимъ обывателямъ, несшимъ никакъ не болѣе легкое тягло мѣстной выборной службы!

Что касается противурѣчія между основнымъ положеніемъ о дворянствѣ, какъ объ орудіи правительства, и мыслью, что съ 1762 г. свобода дворянъ отъ податей и повинностей составляла сословную привилегію, не вызывавшуюся никакими интересами правительства, то авторъ вмѣсто какого-либо разъясненія его, приглашаетъ меня подѣлиться съ нимъ моими собственными соображеніями по этому предмету, точно я обязанъ устранять противурѣчія его самому себѣ!

2) Въ дальнѣйшемъ объясненіи судебъ нашего дворянства авторъ рѣшительно поэтизируетъ, увлекшись вѣроятно другимъ поэтическимъ образомъ Державина:

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей!

»Было время« повѣствуетъ онъ, когда существовалъ служилый классъ, надѣленный землями и несшій *ландмилицкую службу* (sic). *»Настало время«* и служилые люди превращаются въ *шляхетство*, *а ландмилицкая служба* и государевы посылки замѣняются полковою и канцелярскою; шляхетство это »засаживается за азбуку, за цифирную и навигаціонную науку.« *»Вмѣстѣ съ тѣмъ....* помѣстья превращены были въ вотчины, для *непоколебимости и ясности шляхетскихъ фамилій*, установленъ майоратъ«. Петръ В. то легкомысленно »увлекается западно-европейскими феодальными образцами,« то велитъ каждому дворянину отдавать честь каждому офицеру.

»Между прочимъ приспѣло новое время« и »шляхетство переименовывается въ дворянство« и становится »привилегированнымъ, знатнымъ и богатымъ.« Екатерина II »додѣлываетъ« дворянство. Павелъ I то обзываетъ дворянъ тунеядцами, то увѣряетъ, что они имѣютъ право на рыцарскіе гербы дворянства феодальнаго.

»А между прочимъ идетъ время и приводитъ государство къ новымъ потребностямъ« (къ какимъ—не спрашивайте), совершаются реформы настоящаго царствованія, проходитъ пора »бѣлыхъ и черныхъ, благородныхъ и подлыхъ« (стр. II—VI).

Да, время—великій дѣятель! Теченіемъ его такъ легко объясняется *вся* исторія дворянства! Жаль только, что авторъ упустилъ изъ виду, что картины механически мѣняются лишь на театральныхъ подмосткахъ, а въ перемѣнахъ дѣйствительной жизни есть внутренній

смыслъ и связь, что теченіе времени, само по себѣ, имѣетъ интересъ лишь въ одахъ поэтовъ. Съ однимъ временемъ ничего не подѣлаешь при объясненіи вопросовъ, какимъ образомъ и почему—дворянство то надѣлялось землями и несло военную службу, называемую авторомъ *ландмилицкою,* то получало жалованье и служило въ полкахъ и канцеляріяхъ, то владѣло крѣпостными людьми, то лишалось этого владѣнія и т. д.

Въ возраженіяхъ на эти замѣчанія авторъ ограничивается колкостью: »и мы моглибы сказать, что въ докторской работѣ рецензента о »*Рекрутск. повинности*« также нѣтъ никакой внутренней связи.« Неужели онъ находитъ такое возраженіе *резоннымъ*?

3) Преобразованіе служилыхъ людей при Петрѣ В. въ дворянское сословіе авторъ объясняетъ наклонностью этого государя »собирать повсюду разсыпаныя храмины,« да вошедшимъ при немъ въ употребленіе словомъ »*шляхетство.*« Не желая обременять статью мою длинной выпиской изъ книги г. Р.-С., прошу читателей обратиться къ стр. 3, 4 и 5 его книги; тамъ они найдутъ разсужденіе такого рода:

Петръ В. вообще любилъ »собирать повсюду разсыпанныя храмины, составлять изъ нихъ общественныя группы« и »окрещивать ихъ иноземными терминами.« Такъ поступилъ онъ съ городскими обывателями, такъ долженъ былъ поступить и съ царскими чиновными людьми. При этомъ вышелъ такой случай: тогда какъ »гильдіи и цунфты«, въ которые, по выраженію автора, *перекрещены* были городскіе обыватели, такъ-себѣ и прошли почти безслѣдно, слово »шляхетство«, которымъ будто-бы наименовалъ Петръ В. дворянство, хоть съ виду казалось и простымъ, но свойство чудное имѣло: »Есть слова, размышляетъ о немъ авторъ, употребленіе которыхъ не проходитъ безслѣдно.... таково было и слово *шляхетство* для нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ: *употребляя это наименованіе, они усвоили и внутренній смыслъ его*, развившійся на феодальной почвѣ Западной Европы....« (стр. 5).

Далѣе слѣдуетъ уже: »*Мы видѣли,* какъ цаскіе чиновные люди по указаніямъ Петра В. слились въ одно сословіе шляхетство.«

Знаете, что мнѣ возражаетъ авторъ на это указаніе? Упрекаетъ меня за *предполагаемое* у меня *незнаніе*, что слова: »собрать разсыпанную храмину« принадлежатъ самому Петру, и прибавляетъ, что все его, т. е. самого автора, разсужденіе о словѣ »*шляхетство*« есть мой вымыселъ! »Это уже,

восклицаетъ г. Р.-Слават., съ позволенія г. рецензента, его *импровизація!«* (Возраженія стр. 13).

Каковъ полемическій пріемъ! Объявить безцеремонно рецензента невѣждою, *отпереться* отъ того, что стоитъ въ книгѣ, и утверждать, *»что это импровизація рецензента!«*

4) Петру В., такъ грандіозно осуществившему девизъ просвѣщеннаго абсолютизма: *государь—первый слуга государства*, Петру, о которомъ уже изъ дѣтскихъ книжекъ всѣ узнаютъ, какъ о геніальномъ работникѣ на тронѣ, цѣнившемъ и въ другихъ однѣ личныя заслуги, г. Р.-Славатинскій *приписываетъ* въ своей книгѣ стремленіе образовать въ Россіи людей досуга *»поднять* наше дворянство *до феодальной аристократіи!«* Выражаясь по возможности мягко, я назвалъ эту мысль ученаго публициста: *удивительнымъ парадоксомъ.* Досталось же мнѣ за это! Воинскій духъ г-на Р.-С. доходитъ до того, что это замѣчаніе мое онъ называетъ *»по меньшей мѣрѣ удивительнымъ абсурдомъ!«* Мало того, онъ считаетъ возможнымъ обвинять самого Петра В. въ парадоксальности и непослѣдовательности (Возраж. стр. 14).

Но разсмотримъ ближе предметъ спора. Г. Р.-Славатинскій *дѣйствительно* приписываетъ Петру означенное стремленіе и этимъ стремленіемъ *исключительно* объясняетъ законъ 1714 г. о единонаслѣдіи. Вотъ подлинныя слова книги: *»Увлеченный образцами запада онъ* (Петръ) *старался поднять новое сословіе (шляхетство) до феодальной аристократіи*, перенявъ у нея основной ея институтъ—*майоратъ, дабы фамиліи—потомство прапорщиковъ и надворныхъ совѣтниковъ«* (да не подумаетъ читатель, что это моя добавка, это пропечатано въ книгѣ) »не упадали, но въ ясности непоколебимы были чрезъ славные и великіе домы« (стр. 58). »Законъ 1714 года *очевидно былъ навѣянъ зап. Европой*, въ которой вслѣдствіе сильнаго развитія аристократіи... господствовали майоратъ и безземельность кадетовъ. *Увлеченный порядками зап. Европы*, Петръ В. задумалъ систему майората, выработавшуюся на западѣ исторически, перенесть и въ Россію, въ которой не было для нея никакой исторической почвы, никакой традиціи.« Стр. 248. Слѣдуетъ разсказъ, по Соловьеву, о работахъ, предшествовавшихъ редакціи закона 1714 г. и состоявшихъ между прочимъ въ справкахъ съ иностранными законодательствами о порядкѣ наслѣдованія, и за тѣмъ говорится: »Наконецъ въ мартѣ 1714 г. изданъ былъ и самый законъ о единонаслѣдіи. Модификація майората, въ сравненіи съ зап. Европой,

состояла въ томъ, что у насъ онъ былъ обязателенъ не для одного шляхетства, но для всѣхъ подданныхъ, какого бы чина и состоянія они ни были.»

Спрашиваю каждаго: не въ правѣ-ли я былъ сказать, что авторъ *приписываетъ* Петру стремленіе создать въ Россіи феодальную аристократію *и этимъ* объясняетъ появленіе закона 1714 г. о единонаслѣдіи? Не въ правѣ-ли я былъ выразить удивленіе, что авторъ держится такихъ мыслей, не смотря на то, что ему извѣстна обязательность этого закона *не для одного шляхетства, но для всѣхъ подданныхъ?* Не въ правѣ ли я былъ сказать, что если цѣлью закона было создать феодальную аристократію, то, прилагая его ко всѣмъ подданнымъ, Петръ, значитъ, хотѣлъ всѣхъ ихъ поднять до феодальной аристократіи? Несообразности эти устраняются сами собой, если на законъ 1714 г. смотрѣть правильно—какъ на вызванный не аристократическими стремленіями—рѣшительно несвойственными Петру,—но *единственно государственно-экономическими соображеніями* этого государя. Такой смыслъ закона ясно видѣнъ изъ подлинныхъ мотивовъ его. Законъ начинается такъ:

»Объявляемъ сей указъ всѣмъ подданнымъ нашего государства, какого чина и достоинства оные ни есть. Понеже раздѣленіемъ имѣній послѣ отцевъ дѣтямъ недвижимыхъ, *великой есть вредъ въ государствѣ нашемъ*, какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе«... Слѣдуютъ частные мотивы. Въ числѣ ихъ *первый*—о *»податяхъ«*, гдѣ объясняется, что при раздробленіи имѣнія, состоящаго напр. изъ тысячи дворовъ, между пятью напр. наслѣдниками, каждому изъ нихъ достанется всего по 200 дворовъ; но они, какъ дѣти богатаго отца, не захотятъ скро жить, но каждый ясно; при этомъ »съ бѣдныхъ подданныхъ (крѣп. крестьянъ) будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не тожъ нести, какъ тысяча несла (а государственныя подати податьми) отъ чего *не раззоренія ли суть людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ*? ибо податей такъ исправно не могутъ платить двѣсти дворовъ въ казну и помѣщику, какъ тысяча дворовъ.... И тако отъ того раздѣленія *казнѣ государственной вредъ, а людямъ подлымъ раззореніе.*«

Второй мотивъ »о фамиліяхъ«. »А когда отъ тѣхъ пяти по два сына будутъ, то по сту дворовъ достанется и тако далѣе умножаясь *въ такую бѣдность придутъ, что сами однодворцами застать мо-*

гуть, и знатная фамилія вмѣсто славы поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземпляровъ (образовъ) есть въ Россійскомъ народѣ.« (Прошу читателя обратить особенное вниманіе на подчеркнутыя слова, совершенно упущенныя изъ виду г. Р.-Славатинскимъ).

Третій мотивъ озаглавленъ »о непотребствѣ« и выраженъ такъ: »Сверхъ обѣихъ сихъ вредительныхъ дѣлъ, еще и сіе есть, что каждый, имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малой, *ни въ какую пользу государства безъ принужденія служить и простираться не будетъ*, но пищетъ всякой уклониться и жить въ праздности, которая (по святому Писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ *)«.

За этимъ изложеніемъ мотивовъ въ формѣ отрицательныхъ доказательствъ, слѣдуетъ изложеніе ихъ въ формѣ положительной:

Перваго—»Ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а прочимъ движимое, то *государственные доходы будутъ справнѣе*, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малому возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять (какъ выше писано), и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять«.

Втораго—»*Фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы.* (Подчеркиваемъ весь этотъ пунктъ, такъ какъ въ немъ вся причина заблужденія г. Р.-Слават.)

Третьяго—»Прочіе не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгомъ и прочимъ. И то все, что они сдѣлаютъ для своего пропитанія, государств. польза есть«. Слѣдуютъ самыя статьи закона о порядкѣ наслѣдованія. Спрашивается: гдѣ въ приведенныхъ мотивахъ видно стремленіе Петра къ водворенію въ Россіи аристократіи?

---

*) Для полнаго осуществленія этого, вовсе уже не аристократическаго, принципа Петръ В. черезъ нѣсколько дней по изданіи закона о единонаслѣдіи, какъ-бы въ дополненіе къ нему издалъ и другой законъ. »Ежели кадетъ (младшій братъ) пойдетъ въ службу воинскую, и получитъ себѣ службою деньги, на которыя себѣ захочетъ купить деревню, дворы или лавки, то ему вольно купить, однакожъ *по седьми лѣтъ службы его*; буде же то въ гражданской службѣ будучи, то по *десяти лѣтъ службы* его; буде же въ купечествѣ, мастерствѣ будучи, то *по пятнадцати лѣтъ*. А кто ни въ чемъ вышеписанномъ не будетъ, тому *никогда* невольно, даже до смерти«. П. С. З. 1714 г. 14 апрѣля № 2796.

Петръ не желаетъ дробленія имѣній въ видахъ общихъ, государственныхъ—въ интересахъ благосостоянія народа и связанныхъ съ ними интересахъ правительства.

На землевладѣльцевъ онъ смотритъ какъ на полезныя орудія казеннаго управленія, на надежныхъ отвѣтчиковъ за правильное поступленіе государственныхъ доходовъ и исполненіе повинностей, слѣдующихъ съ зависимаго отъ нихъ крѣпостнаго населенія; такое значеніе землевладѣльцевъ въ государствѣ требуетъ, по мнѣнію Петра, чтобы имѣнія не были мелкихъ размѣровъ; далѣе Петръ не желаетъ, чтобъ владѣльцы размножались болѣе того, сколько нужно ихъ для цѣлей правительства; онъ хочетъ, чтобъ не было въ странѣ лишнихъ (*непотребныхъ*) людей, обезпеченныхъ наслѣдованнымъ отъ родителей имуществомъ на столько, чтобъ не имѣть непосредственнаго побужденія лично трудиться на пользу общую.

Въ возраженіяхъ самъ г. Р.-Славатинскій согласился со мной, что изложенные мотивы *дѣйствительно* государственно-экономическіе, и дѣлаетъ уже уступку мнѣ, говоря (въ явную противность тому, что говорилъ въ книгѣ, гдѣ мотивы эти хотя и изложены кратко, но единственно ради доказательства аристократич. тенденціи Петра), что на стремленіе Петра къ водворенію аристократіи онъ смотритъ только какъ *на одинъ изъ мотивовъ* закона 1714 г. Но я стою на томъ, что *ни одинъ* изъ изложенныхъ мотивовъ не имѣетъ такого смысла.

Г. Р.-Славатинскій ошибается, видя такой смыслъ въ словахъ втораго мотива, изложеннаго въ положительной формѣ, въ словахъ, которыя онъ неоднократно цитируетъ въ своей книгѣ: »фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы.« Сопоставивши ихъ со словами того же мотива, выраженнаго въ отрицательной формѣ: »и тако далѣе умножаясь въ такую бѣдность придутъ, что сами *однодворцами* застать могутъ и знатная фамилія, вмѣсто славы *поселяне* будутъ,« въ результатѣ получимъ, что Петръ въ этомъ мотивѣ выставлялъ на видъ дворянамъ, что единонаслѣдіе, будучи чрезвычайно важно для государства, согласно и съ ихъ собственными интересами, что они должны держаться его, подъ страхомъ обращенія, въ противномъ случаѣ, потомства ихъ въ простыхъ поселянъ.

Напрасно также г. Р.-Славатинскій выставляетъ мнѣ на видъ, что будто-бы »указъ о единонаслѣдіи въ дѣйствительности *главнымъ обра-*

зомъ могъ касаться *только* шляхетства, такъ какъ въ рукахъ его *сосредоточивалась* недвижимая собственность« (Возр. стр. 14). Я утверждаю, что и въ дѣйствительности онъ касался не *только* и не *главнымъ образомъ* одного шляхетства. Въ ст. 1-ой того же закона о единонаслѣдіи недвижимая собственность опредѣлена такъ: »Всѣ недвижимыя вещи, т. е. родовыя, выслуженныя и купленныя вотчины, *также и дворы, и лавки*«. Всякому кажется понятно, что если земли въ уѣздахъ и сосредоточивались въ рукахъ дворянъ, то этого уже никакъ нельзя сказать *о дворахъ и лавкахъ* въ городахъ! *)

Возраженія свои г. Р.-С. заключаетъ замѣчаніемъ, что при *упрощенномъ* способѣ моей критики я могъ-бы указанія свои продолжать до безконечности. Сказать правду, критика сочиненія г. Р.-Славатинскаго дѣйствительно не представляетъ трудностей. Промахи и увлеченія въ немъ открываются при простомъ сопоставленіи однихъ мыслей съ другими. Такъ напр. въ одномъ мѣстѣ говорится: »А между прочимъ шляхетство тянула земля, привлекала привольная деревенская жизнь, которая всегда по душѣ *русскому человѣку—по природѣ своей болѣе земледѣльцу, чѣмъ горожанину. Отсюда* укрывательство отъ обязательной службы.« стр. 119. Въ другомъ мѣстѣ: »Если дворянъ въ этомъ періодѣ (въ томъ самомъ, къ которому относится и вышеприведенное соображеніе) тянуло въ деревни, но *не вслѣдствіе инстинктовъ землевладѣльческихъ*, но чтобъ *отлынивать* отъ службы....« (стр. 490).

Еще примѣръ. На стр. 188-ой, приведши мнѣніе Волынскаго о неудобствахъ освобожденія дворянъ отъ обязательной службы, авторъ не безъ ироніи замѣчаетъ: »Это характерное мнѣніе Волынскаго, что по отмѣнѣ обязательной службы никто изъ шляхетства не захочетъ служить, *но всякъ будетъ лежать въ своемъ домѣ*, напоминаетъ мнѣніе тѣхъ помѣщиковъ, которые думали, что по отмѣнѣ крѣпостнаго права не найдется рабочихъ рукъ для обработки земли.« Можно-ли усомниться, что авторъ несогласенъ съ Волынскимъ? Но чрезъ двѣ страницы онъ приводитъ блистательное доказательство, что Волынскій былъ правъ. »Едва успѣли, говоритъ онъ, издать этотъ манифестъ (1736 г., ограничивавшій срокъ службы 25-ю годами, предъ изданіемъ котораго Волынскій и выражалъ свои опасенія), какъ *начало сбываться*

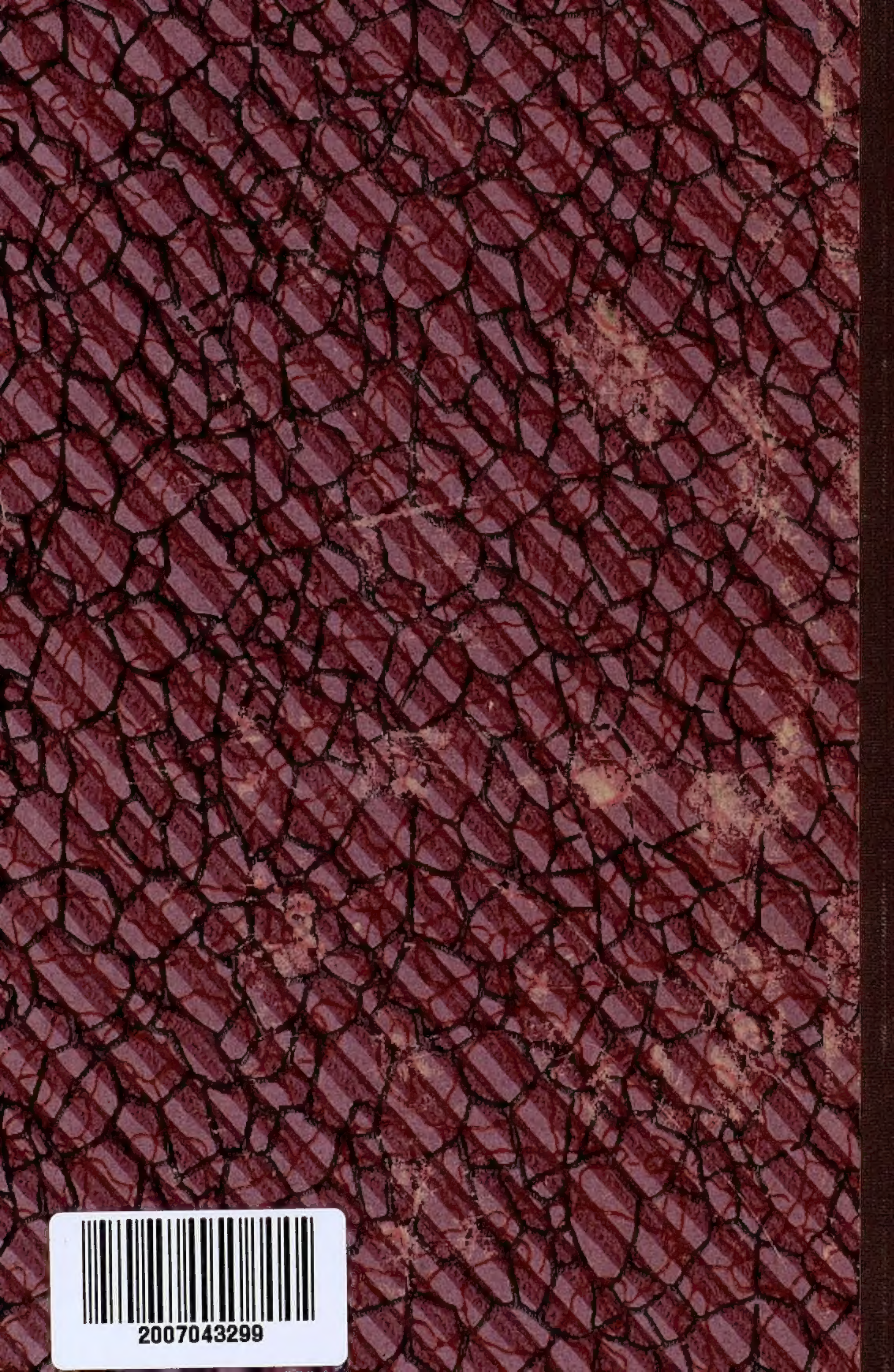
*) Впрочемъ, о правѣ владѣнія недвиж. имуществами въ уѣздахъ при Петрѣ см. Неволина Ист. гражд. зак. ч. 2, § 323 и слѣд.

пророчество Волынскаго.... *болѣе половины офицеровъ подали въ отставку*« (стр. 190).

Мало того, не особенно лестная критика выйдетъ, если указывать отдѣльныя мѣста безъ всякаго сопоставленія ихъ съ другими; такъ напр.: »Какимъ свѣтомъ озарится родная земля? Какъ выйдетъ дворянство изъ наступившаго для него кризиса? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ—задача будущаго, задача жизни, гдѣ борются и интригуютъ страсти, перекрещиваются интересы, созидаются новыя начала и разрушаются старыя — а не *кабинета, заваленнаго запыленными книгами*. Въ этихъ запыленныхъ книгахъ — матеріалъ для оцѣнки и выясненія прошлыхъ судебъ нашего дворянства. Мы старались собрать этотъ матеріалъ и посильно его сгрупировать. Этимъ мы разрѣшаемъ и задачу нашего изслѣдованія. Да послужитъ нашъ *муссоръ*, наши *кирпичи* болѣе талантливому зодчему.....« (стр. 500).

Будетъ наконецъ похоже на неблагосклонную критику, если указывать только на отдѣльныя любимыя авторомъ выраженія и слова; таковы напр.: *холопы бѣлаго царя, мужикъ-страдникъ, крапивное сѣмя, канцелярскій муравейникъ, чернильные враны, доморощенные шевалье, сельскіе маркизы и жантиломы, угобзить дарами, отлынивать, лежебоки, студено крошить, фракасеи дѣлать, баба - зажигалка....* Но статья, противъ моей воли, принимаетъ дѣйствительно фельетонный характеръ, и потому, далеко не исчерпавъ промаховъ, увлеченій и противурѣчій автора, я останавливаюсь.

Профессоръ **Сидоренко.**

2007043299